

Для цитирования: Мухаметов, Р. С. Парадипломатия Чеченской Республики в контексте федеративных отношений / Р. С. Мухаметов // Социум и власть. — 2025. — Т. 22. — № 4. — С. 24–44. — EDN SINJKM.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

EDN SINJKM
BAK 5.5.2
УДК 327.36
ГРНТИ 11.01.53

ПАРАДИПЛОМАТИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мухаметов Руслан Салихович,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
SPIN 2774-6303
ORCID 0000-0002-5175-8300
Scopus ID 58126085400
Researcher ID M-7158-2016
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Субнациональные правительства становятся все более заметными участниками внешней политики. Среди российских глав регионов на международной арене наибольшую активность проявляют лидеры Чечни. Несмотря на ее парадипломатическую деятельность, в научной литературе фактически отсутствуют работы, посвященные теоретической рефлексии и анализу международной активности республики.

Цель. Изучить парадипломатию Чеченской Республики с 2000 г. и объяснить «расширенные» полномочия республики в области международной деятельности. **Методы.** Представленное исследование, выполненное с применением неинституционального подхода, включает в себя углубленное понимание отдельных примеров / метод кейс-стади и их сравнение (сравнительный метод) для выявления общих закономерностей развития республиканской парадипломатии.

Научная новизна исследования. Статья исследует эволюцию парадипломатии Чеченской Республики в контексте федеративных отношений. Проведен сравнительный анализ внешнеполитической деятельности трех ключевых лидеров Чечни (А. Кадырова, А. Алханова, Р. Кадырова), выявлены этапы трансформации парадипломатии от инструмента легитимации власти до механизма экономического и религиозного влияния. Особое внимание уделено роли личности Рамзана Кадырова в формировании уникальной модели республиканской парадипломатии.

Результаты. Обнаружено, что основным географическим направлением парадипломатических усилий выступает Ближний Восток. В статье показано, что основными темами для переговоров и сотрудничества являются вопросы, связанные с поддержанием стабильности и мира в регионе, борьбой с экстремистскими группировками. Автор выявил, что другой спецификой республиканской парадипломатии на современном этапе является высокий уровень контактов (по сравнению с другими субъектами РФ). Доказано, что особенно статус международной активности Чеченской Республики в сравнении с другими российскими регионами обусловлен обстоятельствами, связанными с наличием неформального договора между федеральным центром и регионом.

Выводы. Парадипломатия Чечни — уникальный пример региональной внешнеполитической активности, сочетающей религиозный, экономический и политический аспекты. Ее эволюция отражает стратегию федерального центра по управлению регионом через делегирование полномочий лояльным элитам. Ключевыми факторами успеха стали: использование исламской идентичности для укрепления имиджа Чечни и России в мусульманском мире; личные связи Р. Кадырова с ближневосточными лидерами, позволяющие Москве усиливать влияние в регионе; неформальный договор между федеральным центром и чеченским руководством, обеспечивающий стабильность ценой широкой автономии. Исследование демонстрирует, что чеченская парадипломатия стала инструментом не только регионального, но и общероссийского влияния, однако ее долгосрочные последствия для федеративных отношений являются предметом дискуссий.

Введение

Государство перестает быть единственным действующим субъектом в международных отношениях: все более заметную роль начинают играть субнациональные правительства. Активизация международной деятельности регионов является общемировым трендом. В научной литературе вовлечение нецентральных органов власти во внешнеполитические процессы обозначается термином парадипломатия [32].

Х. Скъявон выделяет два этапа развития парадипломатии в России. В 1990-е годы она характеризовалась всеобъемлющим (complementary) характером, при котором субнациональные правительства обладали широкими полномочиями в сфере международных отношений. С начала 2000-х годов, в период президентства В. В. Путина, последовал курс на централизацию и формирование «вертикали власти», что привело к значительному ограничению внешней активности субъектов РФ [41]. Следует отметить, что и в 1990-е годы сохранялись определенные ограничения: так, федеральный центр в 1993 г. заблокировал подписание договора «Об основах отношений» между Республикой Коми и Венгрией [2, с. 156]. На этом этапе наиболее активными в сфере парадипломатии являлись Республика Татарстан [40] и город Москва, чья деятельность неоднократно становилась предметом академического анализа [12; 17; 20]. В период руководства Москвой (1992–2010 гг.) Ю. М. Лужков допускал публичные высказывания по вопросам международной повестки, в частности, заявляя о «нерешенном» статусе Севастополя и его исторической связи с Россией¹. Таким образом, некоторые региональные лидеры позволяли себе выходить за рамки сугубо региональных интересов и затрагивать внешнеполитические темы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

парадипломатия,
ислам,
регионы России,
Чечня,
политика «чеченизации»,
Рамзан Кадыров

Статья поступила: 13.01.2025

Рецензии получены: 06.11.2025

Принята к публикации: 14.11.2025

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Права: © Мухаметов Р. С. (2025).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

¹ Приплыли. Юрий Лужков подорвал суверенитет Украины // Газета.ру. 12.05.2008. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2008/05/12_a_2721496.shtml (дата обращения: 11.11.2024).

Во втором этапе развития парадипломатии особую публичную активность проявляет глава Чеченской Республики (ЧР) — Р.А. Кадыров. В последние годы он остается единственным региональным руководителем России, систематически выступающим с заявлениями, имеющими внешнеполитическое значение. Так, он осуждал преследование мусульман народности рохинджа в Мьянме и критиковал действия властей Франции, которые, по его мнению, «оскорбляют религиозные чувства мусульман»¹. Кроме того, Р. Кадыров провел ряд встреч с представителями высшего руководства Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратов, Иордании, Бахрейна, Катара и Ливии. Ни один другой региональный лидер России не претендовал на сопоставимую международную роль. Такая особенность обусловлена специфическим положением Чеченской Республики в составе Российской Федерации: с 2007 г. она пользуется де-факто особым статусом, в рамках которого чеченское руководство получает значительный объем полномочий в обмен на политическую лояльность федеральному центру [23].

Обращение к изучению парадипломатии Чеченской Республики обусловлено рядом причин.

Во-первых, данный феномен остается недостаточно исследованным в отечественной научной литературе. Настоящее исследование частично восполняет этот пробел. Если внешние связи таких регионов, как Свердловская область и Екатеринбург, уже неоднократно становились предметом анализа в последние годы [10; 11; 14; 16], то парадипломатическая активность Чечни остается сравнительно малоизученной темой у российских ученых [13].

Во-вторых, особое внимание к Чеченской Республике обусловлено не столько военными действиями 1990–2000-х годов (Первой и Второй

чеченскими кампаниями), сколько их социально-политическими последствиями. Исследователи отмечают, что вооруженные конфликты привели к ухудшению социально-экономической ситуации, изменению демографического состава населения (в частности, сокращению доли русскоязычного населения), а также к формированию монолитной системы власти в регионе [21]. Влияние конфликтов распространилось и на соседние субъекты Северного Кавказа, вызвав неравномерные последствия и изменение политического баланса в регионе [43].

Кроме того, чеченские войны оказали существенное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации. Во-первых, в обществе усилился запрос на «силовую» политику и укрепление порядка, что способствовало росту влияния силовых структур и их представителей в политике (А. Лебедь, Б. Громов, Л. Рохлин, Е. Примаков, С. Степашин, В. Путин). Во-вторых, стабилизация ситуации в Чечне стала одним из факторов курса на централизацию власти, что выразилось в федеративной реформе 2000–2004 гг. (создание федеральных округов, изменение порядка формирования Совета Федерации, отмена прямых выборов губернаторов). В-третьих, в отношениях России с западными странами наметилось охлаждение, обусловленное критикой действий России в Чечне со стороны европейских политиков². Исследователи отмечают, что конфликт оказал негативное влияние на международный имидж России и уровень доверия к международным институтам, что осложнило процессы ее интеграции в мировую правовую систему [4].

Третья причина обращения к теме парадипломатии Чечни связана со спецификой ее правовой системы. Для ее

¹ Кадыров назвал Макрона «вдохновителем терроризма в своей стране» // РБК. 27.10.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2020/5f98017b9a794735e6a58a0a> (дата обращения: 11.11.2024).

² 20 лет с начала войны: как чеченский конфликт изменил Россию // РБК. 26.11.2014. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/11/2014/5475df2ccbb20f6a2105d2cc>; Малащенко А. Как Чечня стала особенной // Ведомости. 10.12.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/10/818279-kak-chechnya-stala-osobennoi> (дата обращения: 11.11.2024).

описания применимы концепции полиюризма и правового плюрализма, подразумевающие сосуществование в рамках одного государства нескольких правовых систем — официальной, религиозной и обычной. Множественные правовые порядки особенно характерны для постколониальных обществ, где нормы традиционного и религиозного права продолжают действовать наряду с государственными [7]. Исследователи подчеркивают, что адат и шариат народов Северного Кавказа являются важной частью социокультурного контекста и фактически интегрированы в российскую правовую систему [19]. При этом общероссийская система базируется на континентальной модели гражданского права, основанной на кодифицированных законах и статутах¹.

Цель настоящего исследования — изучить парадипломатию Чеченской Республики с 2000 г. по настоящее время и объяснить наличие у нее «расширенных» полномочий в сфере международной и внешнеэкономической деятельности. Выбор 2000 г. в качестве отправной точки анализа обусловлен назначением А. Кадырова руководителем Временной администрации республики.

Методологической основой исследования является неинституциональный подход. В отличие от «старого институционализма», сосредоточенного на формальных структурах и правилах, неинституционализм акцентирует внимание на взаимодействии формальных и неформальных институтов. Г. Хелмке и С. Левицки выделяют четыре модели их взаимосвязи: «дополняющую», «приспосабливающую», «конкурирующую» и «замещающую»².

Следует подчеркнуть, что исследование парадипломатии представляет интерес и с точки зрения ее эффектов. Согласно ряду эмпирических работ, парадипломатическая активность способствует росту инвестиций, занятости,

развитию туризма и инфраструктуры [22; 33]. Однако она может иметь и негативные последствия: усложнение дипломатических процессов, возможность использования отдельных регионов третьими странами для продвижения собственных интересов, а также риск политической дестабилизации [24].

Факторы, определяющие уровень международной активности регионов, включают конституционную автономию, культурно-языковую специфику и социально-экономический потенциал [36]. Большое количество городов-побратимов наблюдается у российских городов, которые можно отнести к мегаполисам и крупным городам, расположены в приграничных регионах, обладают статусом административного центра субъекта РФ, а также имеют на территории большого числа памятников истории и культуры [15]. Российские исследования показывают, что высокий уровень региональной международной активности коррелирует с развитостью демократических институтов, этнической идентичностью и личностными характеристиками губернаторов³.

Структура статьи включает четыре раздела. В первом рассматриваются теоретико-концептуальные основы парадипломатии и мотивы трансграничного сотрудничества. Во втором анализируется эволюция международных связей Чеченской Республики. Третий раздел посвящен объяснению ее «особого статуса» в контексте российской внутренней и внешней политики. В заключении подводятся основные итоги исследования.

Парадипломатия: концептуальные рамки

Регионы и города развивают связи с субъектами международных отношений как государственными, так и

¹ The CIA World Factbook 2022-2023. Skyhorse Publishing. P. 4219.

² Хелмке, Г., Левицкий, С. Неформальные институты и сравнительная политика // Прогнозис. 2007. № 2. С. 188–211.

³ Stremoukhov, D. When Governors Go Abroad: Factors of Paradiplomacy in Russia. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 66/PS/2019. <https://wp.hse.ru/data/2019/04/17/1177300572/66PS2019.pdf>

негосударственными. Этот феномен в литературе принято обозначать термином парадипломатия¹. Концепция парадипломатии была введена для описания международной активности местных органов власти в федеральных и централизованных системах, начиная с 1970–1980-х годов, когда такие органы проявляли все большую активность на международной арене. Термин впервые предложили Иво Дюхачек и Панайотис Солдатос, определив парадипломатию как внешние контакты субнациональных правительств с другими субъектами международных отношений (национальные государства, транснациональные корпорации, международные организации)².

Классическое определение парадипломатии рассматривает ее как установление и развитие контактов субнациональных правительств с акторами мировой политики и международных отношений с целью достижения социально-экономических, культурных, политических и иных выгод [25; 32]. В настоящем исследовании парадипломатия рассматривается как международная деятельность субнациональных акторов (городов и регионов) с целью продвижения собственных интересов на международной арене³. В качестве рабочего определения можно сформулировать: парадипломатическая деятельность — это трансграничная региональная стратегия развития, основанная на сотрудничестве и направленная на стимулирование экономического роста, повышения уровня благосостояния местного населения и улучшения качества жизни.

Несмотря на широкое применение, концепция парадипломатии остается предметом дискуссий. Некоторые авто-

ры используют термин многоуровневая дипломатия [29]. Парадипломатию также следует отличать от протодипломатии и парадипломатии идентичности. Протодипломатия касается международных стратегий, направленных на подготовку дипломатического признания при создании суверенного государства. Парадипломатия идентичности описывает международную деятельность регионов без стремления к независимости (например, Квебек, Шотландия, Фландрия, Валлония)⁴.

Парадипломатия является частью более широкого процесса плюрализации дипломатии, в рамках которого дипломатические практики, институты и дискурсы выходят за пределы традиционной дипломатии вследствие перераспределения власти в международной системе [26].

Выявление мотивов международной активности регионов является ключевым направлением в литературе по парадипломатии. В предшествующих исследованиях предлагались различные объяснения участия местных и региональных органов власти на международной арене⁵. М. Китинг выделял экономические (привлечение иностранных инвестиций, выход на новые рынки, доступ к технологиям), культурные (привлечение международного внимания к региональной специфике) и политические (стремление к международному признанию и легитимности, продвижение региональной автономии) мотивы⁶.

Современные исследования выделяют четыре группы мотивов:

1. Экономические — экспорт товаров и услуг, привлечение инвестиций;

⁴ Paquin, S. Paradiplomatie identitaire en Catalogne et les relations Barcelone-Madrid // *Études internationales*. 2002. № 1 (33). P. 57–98.

⁵ Alvarez, M., Oddone, N. Paradiplomacy in times of pandemic: Preliminary lessons of COVID-19 impacts on the internationalization of non-central governments // *Reframing globalization after COVID 19: Pandemic diplomacy amid the failure of multilateral cooperation*. — Liverpool: Liverpool University Press, 2022. P. 40–65.

⁶ Keating, M. Regions and international affairs: Motives, opportunities and strategies // *Regional & Federal Studies*. 1999. № 1 (9). P. 1–16.

¹ Tavares, R. *Paradiplomacy: Cities and States as Global Players*. New York : Oxford University Press, 2016. P. 7.

² Soldatos, P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford : Oxford Press, 1990. P. 34–38.

³ Tavares, R. *Paradiplomacy: Cities and States as Global Players*. New York: Oxford University Press, 2016. P. 8.

2. Культурные — признание региональной культурной или этнической самобытности, установление контактов с диаспорой за рубежом;
3. Политические — укрепление региональной идентичности и легитимности, реализация политических амбиций региональных лидеров;
4. Трансграничные — решение совместных проблем, например, связанных с охраной окружающей среды на территориях, разделённых международной границей¹ [41].

В российской литературе дополнительно выделяются геополитические мотивы и обеспечение безопасности. Международная деятельность регионов рассматривается как компенсирующая, когда она возникает на фоне противоречий между центром и субъектами федерации, а также как посредническая, когда регионы выступают связующим звеном между федеральными органами и иностранными государствами [18].

Российские исследователи различают две формы участия регионов в международных отношениях: культурно-имиджевую и политическую. Культурно-имиджевая активность включает участие в межправительственных комиссиях (экономика), презентационную деятельность, парламентское сотрудничество (культура, экономика, образование, наука) и организацию международных мероприятий. Политическая форма охватывает участие регионов в подготовке международных договоров и международных переговорах [1].

Таким образом, парадипломатия представляет собой важное и развивающееся направление международных отношений, предоставляющее регионам и городам возможности для участия в решении глобальных проблем, продвижения собственных

интересов и укрепления международного имиджа.

Результаты

В период с 2000 года у Чеченской Республики сменилось несколько руководителей. В настоящем исследовании рассматриваются трое из них: Ахмат Кадыров, Алу Алханов и Рамзан Кадыров. Исполняющие обязанности главы республики (Я. Дениев и С. Абрамов) исключены из анализа в связи с непродолжительным сроком пребывания на посту и временным статусом.

С началом Второй чеченской войны была сформирована пророссийская администрация Чеченской Республики, возглавляемая муфтием Ахматом Кадыровым (2000–2004 гг.). Глава администрации совершал поездки по ряду стран Ближнего Востока и Персидского залива, включая Египет, Сирию, Ирак и Иорданию.

Парадипломатия Чечни в этот период была инициирована Москвой с целью минимизации международной поддержки чеченского восстания. Основные задачи республиканской парадипломатии можно сформулировать следующим образом:

1. Политическая легитимизация — заручиться поддержкой мусульманского мира и получить международное признание легитимности республиканской администрации.
2. Информационное воздействие — предоставление иностранным партнерам объективной информации о восстановлении мирной жизни в Чечне и о мерах федерального центра по урегулированию конфликта².
3. Демонизация боевиков — убедить международное сообщество, особенно мусульманские страны, что

¹ Kincaid, J. Foreign relations of sub-national units // *Federalism in a Changing World: Learning from Each Other: Scientific Background. Proceedings and Plenary Speeches of the International Conference on Federalism 2002*. McGill-Queen's University Press, 2003. P. 74–96.

² Ахмат Кадыров покажет арабам кино // *Коммерсантъ*. 15.01.2004. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/440859> (дата обращения: 11.11.2024); Ахмад Кадыров завершил поездку по странам Ближнего Востока // *Глобальный еврейский онлайн центр*. 28.09.2001. URL: <https://jewish.ru/ru/news/articles/24152/> (дата обращения: 11.11.2024).

вооруженный конфликт в Чечне носит антитеррористический характер и не имеет религиозной подоплеки¹.

4. Привлечение ресурсов — обеспечение финансирования послевоенной реконструкции республики.
5. Противодействие легитимизации сепаратистов — ограничение поддержки чеченских боевиков, находящихся за рубежом (правительства Чеченской Республики Ичкерия в изгнании под руководством в период 2000–2005 гг. А. Масхадова), и отстаивание легитимности пророссийской администрации [31].

В этот период произошла институционализация парадипломатии: в сентябре 2003 года было создано региональное министерство по национальной политике, информации и внешним связям путем объединения двух ведомств. Основные функции министерства включали: 1) участие в разработке и реализации политики сотрудничества с международными и региональными организациями, а также с иностранными субъектами; 2) подготовку и организацию мероприятий по развитию международных связей; 3) формирование и развитие положительного международного имиджа Чечни².

Таким образом, парадипломатия Чечни в период руководства Ахматом Кадыровым (2000–2004 гг.) характери-

зовалась ограниченным масштабом и сосредоточенностью на восстановлении постконфликтного порядка. Основной целью внешней деятельности было укрепление легитимности руководства Чечни и привлечение ресурсов для восстановления республики.

В период руководства Алу Алханова (2004–2007 гг.) парадипломатия сохраняла преемственность, направляясь на обеспечение поддержки российской политики на Северном Кавказе со стороны мусульманских стран и сокращение иностранной помощи чеченским сепаратистам. Активность была сосредоточена на формировании положительного имиджа правительства Чечни среди зарубежной диаспоры, которая выступала проводником «мягкой силы» [3, с. 336]. Так, в Турции проживает свыше 3,5 млн потомков эмигрантов с Северного Кавказа, большинство из них черкесы (адыги), абхазы, абазины, дагестанцы, чеченцы, карачаевцы, осетины [8]. В государствах-членах Евросоюза сегодня проживает от 70 до 150 тыс. чеченцев и их потомков [6, с. 369]. Значительное внимание уделялось привлечению инвесторов из арабского мира для участия в экономическом развитии республики. Внешние визиты Алханова координировались с федеральными органами, особенно с Министерством иностранных дел РФ, а парадипломатическая деятельность была осторожной и ограниченной, с акцентом на восстановление экономики и социальной сферы. Таким образом, парадипломатия Чечни при Али Алханове характеризовалась большей осторожностью и сосредоточенностью на решении конкретных задач по восстановлению республики после военных действий. Основным приоритетом была стабилизация обстановки, восстановление экономики и социальной сферы после двух чеченских войн. Все внешнеполитические инициативы тщательно согласовывались с федеральными властями, особенно с Министерством иностранных дел РФ. Чеченское руководство полагалось на поддержку федерального центра в раз-

¹ Ахмат Кадыров занялся контрпропагандой // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/360994> (дата обращения: 11.11.2024).

² О министерстве // Министерство Чеченской республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации. URL: <https://minnacinform-chr.ru/ministerstvo/> (дата обращения: 11.11.2024); Министерство Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации. URL: <https://chechnya.gov.ru/organy-vlasti/ministerstva-i-vedomstva/ministerstva/ministerstvo-chechenskoy-respubliki-po-natsionalnoj-politike-vneshnim-svyazyam-pechati-i-informatsii/> (дата обращения: 11.11.2024); Департаменты // Министерство Чеченской республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации. URL: <https://minnacinform-chr.ru/ministerstvo/departaments/departament-natsionalnoy-politiki-i-vneshnikh-svyazey/> (дата обращения: 11.11.2024).

витии отношений с другими странами и регионами.

Парадипломатия Чечни при Рамзана Кадырове (с 2007 года) характеризуется активным развитием международных связей с учетом исторического и культурного контекста региона. Чечня поддерживает отношения с рядом стран Ближнего Востока и Персидского залива, включая Турцию, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовскую Аравию, Бахрейн и Иорданию. В отличие от предшественников, международные контакты Р. Кадырова имеют практический характер и направлены на укрепление экономических, образовательных, культурных и спортивных связей, а также на привлечение иностранных инвестиций.

Несмотря на активность, иностранные инвестиции в республику остаются низкими: по данным Росстата, в 2023 году они составили 0 %, тогда как частные российские инвестиции достигли 45,9 %, а государственные (федеральные) — 33,5 %. Отсутствие иностранных инвестиций характерно также для других субъектов Северо-Кавказского федерального округа (за исключением Ставропольского края), а также для Севастополя и Республики Алтай¹.

Ближневосточная парадипломатия Чечни выполняет стратегическую функцию продвижения России как страны, уважающей права мусульманских меньшинств. Р. Кадыров выступает связующим звеном между российским правительством и государствами Ближнего Востока, используя свои контакты для укрепления политического и религиозного авторитета на Северном Кавказе и в России [34].

Особое внимание уделяется религиозным аспектам. Так, в августе 2016 года в Грозном прошла Всемирная исламская конференция «Кто они — последователи Сунны?», в ходе которой были определены направления суннит-

ского ислама и осуждены ложные течения («ваххабиты», «салафиты»). Данный процесс позволил укрепить международный религиозный авторитет Чечни и улучшить ее имидж в мусульманском мире.

Для взаимодействия с диаспорой в 2021 году было создано Национальное агентство Чеченской Республики по связям с соотечественниками «Орца». Агентство занимается поддержкой чеченцев за рубежом и сохранением национальной самобытности².

Современная парадипломатия Чечни отличается высоким уровнем контактов с лидерами стран Ближнего Востока, включая наследных принцев Абу-Даби и Дубая, короля Бахрейна и Иордании, а также глав правительств Узбекистана и Ливии. Деятельность Р. Кадырова свидетельствует о признании его доверенным лицом федерального центра в регионе и роли посредника между Россией и странами Ближнего Востока³.

Сравнительный анализ парадипломатии трех чеченских руководителей представлены в таблице.

Необходимо отметить, что специфика республиканской парадипломатии определяется сочетанием исторических, политических, религиозных и культурных факторов, а также значительной ролью личности Рамзана Кадырова в формировании курса.

Внутриполитическая стабилизация Чеченской Республики стала ключевым фактором, определившим возможность ее внешней активности в постконфликтный период. После Второй чеченской войны федеральный

² В Чеченской Республике создадут национальное агентство по связям с соотечественниками // ТАСС. 28.08.2020. URL: <https://tass.ru/v-strane/9315783> (дата обращения: 11.11.2024).

³ А. Делимханов: «Р. Кадыров стал связующим звеном между Россией и исламским миром» // Грозный-информ. 15.12.2008. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/express/10064/> (дата обращения: 11.11.2024); Кадыров в ОАЭ передал наследному принцу Абу-Даби послание от Путина // РБК. 18.02.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreene ws/602da2ad9a79474bea2efc9d> (дата обращения: 11.11.2024); Кадыров передал послание Путина наследному принцу ОАЭ. URL: <https://regnum.ru/news/3194260> (дата обращения: 11.11.2024).

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с. С. 527; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024 : стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081. С. 492–493.

Парадипломатия Чеченской Республики

Критерии сравнения	Ахмат Кадыров	Али Алханов	Рамзан Кадыров
Основные цели	• Установление мира и стабильности после конфликта. • Легитимация власти и получение поддержки от федерального центра. • Привлечение иностранных инвестиций для восстановления экономики. • Формирование позитивного имиджа Чечни	• Обеспечение поддержки мусульманскими странами российской политики на Северном Кавказе; • Улучшение имиджа Чечни в глазах диаспоры за рубежом; • привлечение инвесторов из арабского мира к участию в развитии экономики республики	• Формирование позитивного имиджа Чечни как стабильного процветающего региона. • Расширение культурного и экономического влияния Чечни за рубежом
Ключевые акторы	• Сам Ахмат Кадыров. • Представители администрации. • Духовные лидеры. • Российские чиновники и бизнесмены	• Али Алханов. • Представители правительства Чечни. — Российские федеральные органы власти. • Региональные бизнес-элиты	• Рамзан Кадыров (основной актор). • Члены правительства Чечни (под контролем Кадырова). • Представители чеченской диаспоры за рубежом. • Различные фонды и организации, связанные с Кадыровым
Основные направления	• Переговоры с федеральным центром. • Встречи с иностранными делегациями. • Участие в международных конференциях. • Привлечение гуманитарной помощи. • Сотрудничество с российскими регионами	• Развитие экономических связей с другими регионами России. • Участие в федеральных программах развития. — Укрепление сотрудничества с правоохранительными органами. • Культурный обмен	• Личные встречи и переговоры Рамзана Кадырова с лидерами других государств. • Организация международных форумов и конференций в Грозном. • Развитие культурных и религиозных связей с мусульманскими странами. • Поддержка чеченской диаспоры за рубежом. — Спортивная дипломатия.
География	• Преимущественно Россия. • Страны СНГ. • Некоторые европейские страны. — Мусульманские страны	• Преимущественно Россия. • Страны СНГ	• Страны Ближнего Востока (ОАЭ, Саудовская Аравия, Иордания и др.). • Турция

центр перешел от прямого военного и административного контроля к политике так называемой чеченизации, т. е. передачи значительной части властных полномочий местным пророссийским элитам [35]. Этот процесс сопровождался формированием собственной политической системы под руководством лояльного Москве лидера, что позволило снизить уровень насилия в регионе и укрепить его управляемость.

Кадыров выстраивает внешние контакты преимущественно через не-

формальные и личные каналы коммуникации — личные встречи, участие в международных религиозных форумах, культурных мероприятиях, благотворительных акциях и взаимодействие с зарубежными чеченскими диаспорами. Эти контакты, в первую очередь с лидерами мусульманских стран, а также представителями исламских фондов и организаций, позволяют позиционировать Чечню как духовный и культурный центр российского ислама. Кроме того, личный бренд Кадырова, активно

транслируемый через социальные сети и медиа, способствует формированию образа республики как стабильного и модернизирующегося региона, сохраняющего при этом исламскую идентичность [5]. Такая медийная стратегия усиливает не только внутреннюю легитимность власти, но и внешнеполитическую субъектность Чечни в рамках неофициальных каналов международного взаимодействия. Таким образом, можно утверждать, что парадипломатическая деятельность Чеченской Республики имеет ярко выраженный лидероцентричный характер. Эффективность и направление внешних инициатив региона во многом зависят от политических установок и личных контактов руководителя, а не от формальных институтов внешних связей.

Исторические, культурные и религиозные особенности Чеченской Республики играют фундаментальную роль в формировании ее международной активности. Чеченский народ обладает устойчивыми этнокультурными традициями, сильным чувством коллективной идентичности и глубокой религиозностью, что способствует восприятию региона как уникального субъекта в составе Российской Федерации.

Ислам, являясь доминирующей религией, выполняет не только духовную, но и интеграционную функцию. Он становится важным элементом «мягкой силы» (soft power) Чечни, особенно в контексте ее взаимодействия с мусульманскими странами Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии. Общие религиозные и цивилизационные основания создают благоприятную почву для развития неформальных дипломатических связей через культурные обмены, гуманитарные миссии, участие в исламских форумах и поддержание связей с диаспорой.

Исторический опыт сопротивления внешним угрозам и стремление к сохранению культурной самобытности формируют устойчивый нарратив чеченской идентичности, который используется во внешнем позиционировании республики. Культурная ди-

пломатия Чечни опирается на идею «особого пути», т. е. сочетания исламских ценностей, традиционной культуры и лояльности российскому государству. Это позволяет региону укреплять имидж центра исламского возрождения в составе России, что находит отклик в международных религиозных и гуманитарных кругах.

Таким образом, парадипломатическая активность Чеченской Республики определяется сочетанием трех взаимосвязанных факторов: 1) внутриполитической стабильности и «чеченизации», создавших институциональные и управленческие условия для внешней активности; 2) лидерского фактора, определяющего персонализированный характер международных инициатив; 3) культурно-религиозной идентичности, обеспечивающей символическую и идеологическую основу международного позиционирования региона. Синергия этих факторов формирует уникальную модель парадипломатии, где официальная зависимость от федерального центра сочетается с высокой степенью символической и коммуникативной самостоятельности на международной арене.

Обсуждение

Специфика чеченской парадипломатии обусловлена стратегией разрешения Второго чеченского конфликта. С момента начала антитеррористической операции в Чечне в 1999 году главными целями России были реинтеграция республики в состав РФ и восстановление мирной жизни на ее территории ради обеспечения внутренней безопасности страны. После возвращения контроля над Чечней российские власти столкнулись с необходимостью выбора формы управления «неспокойной» республикой.

Согласно различным исследованиям, возможными стратегиями были: 1) делегирование полномочий вновь созданному местному правительству, состоящему из лояльных чеченцев; 2) назначение этнического русского ру-

ководителя (генерал-губернатора), напрямую подчиненного федеральному центру [35]. Другие подходы включали: 1) жестокое подавление восстания (сравнимое с политикой генерала Ермолова на Северном Кавказе в 1816–1825 гг.); 2) объединение местных элит с предоставлением политико-экономических и культурно-религиозных уступок, аналогично стратегии большевиков в 1920–1921 гг. [30]. Три основных стратегии федерального центра: подавление вооруженного сопротивления, переговоры с лидером Чечни-Ичкерии Асланом Масхадовым и «чеченизация» — интеграция республики в российскую вертикаль власти через авторитарного местного лидера [38].

Политика «чеченизации» подразумевает передачу значительных военных, экономических и политических полномочий пророссийским местным властям с целью преобразования антироссийского восстания во внутреннее дело Чечни [35]. Этот процесс включал элементы кооптации — предоставление экономических и политических благ местным элитам в обмен на соблюдение порядка и предотвращение этнического насилия [27].

Чеченскую парадипломатию можно рассматривать как элемент политической сделки между семьей Кадыровых и президентом России В. В. Путиным, направленной на обеспечение безопасности республики. Основой особого статуса главы Чечни является передача контроля над республикой местным формированиям, которые заменили российские войска в борьбе с вооруженными формированиями противника. После активной фазы войны (2000 г.) федеральный центр делегировал значительную часть полномочий местным элитам в обмен на лояльность и подавление сепаратистских стремлений. В рамках этой политики сформировался статус Чечни в составе РФ, который характеризуется ограниченными полномочиями федеральных органов и значительной автономией местных властей. Формально федеральные учреждения функционируют на основе

российского законодательства, однако на практике подчиняются указаниям главы республики, неформальным схемам управления и обычаям чеченской и исламской традиции [31; 37; 39]. Исследователи считают, что в Чеченской Республике преобладают обращения к традиционным и религиозным системам — шариату и адату, в то время как российское право используется реже и в основном женщинами в определенных ситуациях¹.

В научной литературе отмечается, что федеральный центр управляет Чечней через патрон-клиентские отношения между президентом России и главой республики. Кадыровы рассматриваются как пример управления через посредников, при котором патрон обеспечивает ресурсы и защиту, а клиент гарантирует лояльность и выполнение установленных задач [9, с. 31–34; 44]. Политика «чеченизации» позволила передать значительную часть политической и военной ответственности пророссийским чеченским элитам, минимизировав необходимость международного посредничества или прямых переговоров с сепаратистами. При этом обеспечивалась стабильность и восстановление республики в составе РФ² [45].

В рамках «чеченизации» местные силовые структуры использовались для поддержания порядка и расширения контроля федерального центра над территорией, а также для обеспечения лояльности местных элит и военизированных формирований [28]. Политика включала легализацию участников карательных акций 1990-х годов, что повышало их приверженность федеральной власти [42]. Экономическая составляющая «чеченизации» проявилась в восстановлении инфраструк-

¹ Как Чечня выбирает между шариатом, адатом и мировым судом // Ведомости. 19.09.2018. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/19/781432-kak-chechnya-vibiraet-mezhdu-shariatom-i-mirovim-sudom?from=copy_text (дата обращения: 12.10.2025).

² Matejova, M. Russian «Chechenization» and the Prospects for a Lasting Peace in Chechnya // International Journal on World Peace. — 2013. — № 2 (30). — P. 9–34.

туры и коммунальных услуг, включая электричество, воду, транспорт, медицинское обслуживание и базовое образование.

В научной литературе выделяются как положительные, так и отрицательные аспекты политики «чеченизации». Положительные эффекты включают: 1) снижение потерь среди гражданского населения; 2) делегирование борьбы с повстанцами местным силам, что позволило федеральному центру дистанцироваться от республиканских проблем; 3) подавление вооруженного мятежа¹. С другой стороны, она создала у чеченских властей пространство для внутренней и внешней инициативы, включая развитие парадипломатических практик. Стабильная внутривнутриполитическая ситуация, усиление институциональных структур и централизованная модель власти стали фундаментом для формирования внешней активности, в том числе в гуманитарной, религиозной и экономической сферах. Таким образом, внутренняя консолидация чеченского руководства и установление устойчивой политической вертикали позволили республике выступать как относительно самостоятельный актор в пределах российского федерализма, реализуя внешнеполитические контакты под эгидой «внутреннего суверенитета», не выходя при этом за рамки общероссийского курса. Другими словами, политика «чеченизации» представляет амбивалентный процесс, который одновременно обеспечивал стабилизацию и создавал новые вызовы в межрегиональных отношениях.

Сравнительный анализ парадипломатической активности Чеченской Республики и других субъектов РФ позволяет выявить уникальные особенности чеченской модели, которые отличают ее от более институционализированных и экономически ориентированных практик регионального трансграничного участия.

Как нам представляется, в большинстве российских регионов парадипломатия выступает как функциональное продолжение внешнеэкономической деятельности, которая направлена на привлечение инвестиций, развитие экспорта и установление партнерских связей в торгово-культурной и научно-технической сферах. Субъекты РФ (например, Свердловская область или Республика Татарстан / РТ) демонстрируют классический подход, в котором внешние связи встроены в общую систему экономического развития и жестко соотнесены с федеральной внешнеполитической линией. На этом фоне международная активность Чеченской Республики не ограничивается экономическими задачами, а направлена на укрепление политической легитимности и воспроизводство идеологического нарратива о Чечне как оплоте традиционного ислама и стабильности на Северном Кавказе.

Одним из ключевых отличий чеченской модели является ее персонализация вокруг фигуры главы республики. Международная активность ЧР часто иницируется и осуществляется непосредственно Р. Кадыровым, что придает ей черты харизматического лидерства и делает парадипломатию инструментом внутренней и внешней легитимации региональной власти. Личные контакты Кадырова с представителями исламских государств и международных религиозных организаций нередко заменяют или дублируют официальные дипломатические каналы Российской Федерации. Такая форма «лидероцентричной» парадипломатии контрастирует с институциональными механизмами, которые характерны, например, для Республики Татарстан, где внешняя деятельность опирается на развитую сеть официальных представительств (например, существуют торгово-экономические представительства РТ в г. Лейпциг, КНР, Куба, Финляндии, Швейцарии и т. д.²), деловых советов и

¹ Halbach, U. Chechnya's Status within the Russian Federation: Ramzan Kadyrov's Private State and Vladimir Putin's Federal «Power Vertical» // SWP Research Paper. 2018. № 2. P. 16–18.

² Представительства Республики Татарстан // Правительство Республики Татарстан. URL: https://prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm data

культурных институтов (например, Всемирный конгресс татар).

Чеченская парадипломатия активно использует религиозно-идеологический ресурс как основу для международного позиционирования. ЧР стремится закрепить за собой статус защитника «традиционного ислама» на глобальном уровне, формируя связи с исламскими фондами, религиозными лидерами и организациями в странах Ближнего Востока, Северной Африки и СНГ. Этот подход позволяет Чечне выступать своеобразным субнациональным религиозным актором, чья внешняя деятельность выходит за рамки чисто экономических интересов. Важно отметить, что другие регионы России (Башкортостан и Татарстан) трактуют исламскую идентичность преимущественно как элемент культурного наследия и «мягкой силы».

Еще одной отличительной чертой чеченской парадипломатии является использование, как уже отмечалось, нетрадиционных каналов коммуникации. Прямые контакты с религиозными лидерами, монархами или благотворительными фондами, а также активная медийная политика, основанная на личном присутствии главы республики в публичном пространстве, усиливают символический вес Чечни на международной арене. Для большинства других регионов России подобный уровень международной видимости недостижим: их активность ограничивается рамками бизнес-форумов, культурных мероприятий и двусторонних соглашений.

Таким образом, чеченская модель парадипломатии представляет собой уникальное сочетание харизматического лидерства, идеологической миссии и частичной внешнеполитической автономии, что существенно отличает ее от прагматичных и институционализированных моделей других субъектов РФ. Если для большинства регионов парадипломатия — это инструмент экономического развития, то для Чеченской Республики она выступает механизмом политико-идеологической легитимации обращения: 11.11.2024).

и символического укрепления статуса республики как особого актора внутри Российской Федерации и в мусульманском мире.

Заключение

Целью настоящей статьи являлось рассмотрение особенностей международной деятельности Чеченской Республики, региона с «особым» статусом в сравнении с другими субъектами РФ. На основе проведенного исследования можно выделить следующие ключевые выводы.

Первое. Основным географическим направлением республиканской парадипломатической активности является Ближний Восток. Это обусловлено рядом факторов: этнокультурными и конфессиональными особенностями республики, что создаёт общую религиозную основу для взаимодействия; необходимостью обеспечения стабильности и безопасности в регионе, включая сотрудничество в области противодействия международному терроризму; наличием личных связей с представителями монархий Персидского залива и стран Ближнего Востока, которые способствуют развитию коммуникаций.

Второе. Основные темы переговоров и международного сотрудничества определяются взаимными интересами. Их развитие можно рассматривать в три этапа:

На первом этапе обсуждались вопросы поддержки стабильности и мира в республике. На втором этапе внимание было сосредоточено на совместной борьбе с радикальным исламом и терроризмом, обмене информацией и опыте противодействия экстремистским группировкам. На третьем (современном) этапе в переговорную повестку включены вопросы экономического сотрудничества и развития Чечни, включая инфраструктуру, образование и здравоохранение. Политические вопросы продолжают оставаться центральными, определяя стратегическое направление сотрудничества с монархиями Персидского залива.

Третье. Международная деятельность Чеченской Республики носит персонализированный характер. Внешнеполитическая активность республики во многом определяется личными связями, интересами и амбициями Рамзана Кадырова. Его контакты с лидерами других стран, особенно мусульманских, играют значительную роль в реализации международных инициатив. Персонализированный характер парадипломатии подчёркивает зависимость внешнеполитической активности Чечни от конкретных личностей и неформальных каналов коммуникации. Международные связи и переговоры преимущественно осуществляются через руководителей республики и их ближайшее окружение, используя как формальные, так и неформальные каналы, включая контакты с диаспорами и неправительственными организациями.

Четвертое. Специфика статуса международной активности Чечни по сравнению с другими российскими регионами обусловлена политическими обстоятельствами, включая наличие неформального соглашения между семьей Кадыровых и федеральным центром в лице президента РФ В.В. Путина.

Наконец, ключевыми факторами, влияющими на парадипломатию Чечни, являются: внутривластная стабильность и реализация политики «чеченизации», обеспечивающие возможность самостоятельной международной активности; роль личности лидера, которая определяет направление, интенсивность и эффективность международных связей; исторические, культурные и религиозные особенности, формирующие естественную платформу для внешнего взаимодействия, особенно с мусульманскими государствами.

Таким образом, парадипломатия Чеченской Республики формируется под влиянием комплекса исторических, политических, религиозных и культурных факторов. Она характеризуется значительной автономией, персонализированным характером, акцентом на ре-

лигиозной и культурной дипломатии, а также географической направленностью на страны Ближнего Востока и СНГ. Международная деятельность ЧР представляет собой уникальный пример субнациональной дипломатии, анализ которого позволяет глубже понять как внутренние процессы в республике, так и ее роль в более широком геополитическом контексте. Эволюция чеченской парадипломатии является сложным и многогранным процессом, тесно связанным с историей чеченского сепаратизма, вооружённых конфликтов, внутривластной борьбы и геополитических интересов различных субъектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артеев, С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов / С. П. Артеев // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2021. — № 1. — С. 32–57. — DOI 10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57. — EDN VUGHSH.
2. Артеев, С. П. Международные связи субгосударственных акторов в контексте эволюции федерализма (на примере сотрудничества Республики Коми и Венгрии в первой половине 1990-х гг.) / С. П. Артеев // Вестник МГИМО-Университета. — 2018. — № 2. — С. 145–164. — DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-145-164. — EDN XPUCILZ.
3. Бирагова, Б. М. Северокавказские диаспоры Турции как транснациональные акторы / Б.М. Бирагова // Социально-гуманитарные знания. — 2016. — № 6. — С. 327–338. — EDN ХВКАТВ.
4. Горбанева, А. Американская и британская историография о последствиях военного конфликта в Чечне / А. Горбанева // Вопросы теории и практики. — 2013. — № 1. — С. 47–51. — EDN RGZTRZ.
5. Евсеев, А. Ю. Динамика медиаобраза главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова в контексте политической медийной коммуникации России / А. Ю. Евсеев // Управленческое консультирование. — 2023. — № 1. —

С. 91–99. — DOI 10.22394/1726-1139-2023-1-91-99. — EDN ODKFDA.

6. Исраилов, А. Х. Чеченская диаспора в странах Ближнего Востока: к вопросу о поколенческой преемственности и социополитической динамике сообществ / А. Х. Исраилов, О. А. Моргунова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2024. — Т. 18. — № 3. — С. 366–377. — DOI 10.18255/1996-5648-2024-3-366-377. — EDN GUPNIK.

7. Казенин, К. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа) / К. Казенин // Экономическая политика. — 2014. — № 3. — С. 178–198. — EDN SESNIX.

8. Кушхабиев, А. В. Деятельность общественных организаций северокавказских диаспор в Турции / А. В. Кушхабиев, А. М. Магомеддадаев // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. — 2012. — № 1. — С. 25–32. — EDN OYRLWL.

9. Малащенко, А. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности / А. Малащенко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 150 с. — EDN QPMEWP.

10. Михайленко, Е. Б. Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 г. по настоящее время) / Е. Б. Михайленко, Т. В. Вербицкая // Вестник Пермского университета. Политология. — 2018. — № 1. — С. 141–157. — DOI 10.17072/2218-1067-2018-1-141-157. — EDN XSANZR.

11. Михайленко, Е. Б. Парадипломатия Екатеринбурга на современном этапе (1990–2021 гг.) / Е. Б. Михайленко, Ф. Е. Золотарев // Вестник гуманитарного образования. — 2021. — № 3. — С. 53–63. DOI 10.25730/VSU.2070.21.035. — EDN VTJJVI.

12. Мурадов, Г. Л. Международные связи как фактор развития и имиджа Москвы / Г. Л. Мурадов, В. Тымчик // Управление мегаполисом. — 2009. — № 2-3. — С. 39–46. — EDN KYUDTN.

13. Мухаметов, Р. С. Особенности парадипломатии этнических республик РФ / Р. С. Мухаметов // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития. Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. Москва, 2024. — С. 421–422. — EDN PZIMLW.

14. Мухаметов, Р. С. Парадипломатия российских регионов: возможности и ограничения (на примере Свердловской области) / Р. С. Мухаметов // Социум и власть. — 2022. — № 1. — С. 26–36. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-1-26-36. — EDN TBTDQD.

15. Мухаметов, Р. С. Факторы международной активности российских городов / Р. С. Мухаметов // Вестник МГИМО-Университета. — 2020. — № 6. — С. 153–174. — DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-153-174. — EDN EUSSRH.

16. Наронская, А. Роль региональной элиты в развитии международной деятельности субъекта Федерации (опыт Свердловской области) / А. Наронская // Ars Administrandi (Искусство управления). — 2022. — № 3. — С. 384–400. — DOI 10.17072/2218-9173-2019-3-384-400. — EDN BJKDIK.

17. Насыров, И. Р. Международное сотрудничество регионов. Мировая практика и опыт Татарстана / И. Р. Насыров. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. — 329 с. — EDN QSIAOD.

18. Рустамова, Л. Р. Внешние связи приграничных российских регионов / Л. Р. Рустамова // Вестник МГИМО (университета). — 2022. — № 1. — С. 177–206. — DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-177-206. — EDN FNYUEQ.

19. Сайдумов, Д. Х. Правовая культура Чеченцев: вопросы теории и практики / Д. Х. Сайдумов // Аграрное и земельное право. — 2016. — № 11. — С. 41–49. — EDN XENJXX.

20. Суданц М. Б. Международные связи города Москвы в современных условиях / М. Б. Суданц // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2023. — № 1. — С. 110–117. — DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-1-110-117. — EDN HXHWGN.

21. Поляков, Е. М. Неупрегулированные аспекты российско-чеченского конфликта: последствия и проблемы / Е. М. Поляков // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — № 2. — С. 180–187. — EDN JUHWDD.
22. Aguirre K., Córdova Bojórquez G. Paradiplomacy and economic development in the Reynosa-McAllen cross-border region / K. Aguirre, G. Córdova Bojórquez // Estudios fronterizos. — 2018. — № 19. — P. 23–43. — DOI 10.21670/ref.1804004.
23. Avedissian, K. Clerics, weightlifters, and politicians: Ramzan Kadyrov's Instagram as an official project of Chechen memory and identity production / K. Avedissian // Caucasus Survey. — 2016. — № 1(4). — P. 20–43. — DOI 10.1080/23761199.2015.1119998.
24. Ciesielska-Klikowska, J. Paradiplomacy and its Impact on EU Foreign Policy / J. Ciesielska-Klikowska, T. Kamiński // Journal of Contemporary European Research. — 2022. — № 1 (18). — P. 48–66. — DOI 10.30950/jcer.v18i1.1223.
25. Cornago, N. Diplomacy and paradiplomacy in the redefinition of international security: Dimensions of conflict and cooperation / N. Cornago // Regional & Federal Studies. — 1999. — № 1(9). — P. 40–57. — DOI 10.1080/13597569908421070.
26. Cornago, N. Plural diplomacies: Normative predicaments and functional imperatives / N. Cornago. — Martinus Nijhoff Publishers, 2013. — 278 p. — ISBN 9789004233812. — DOI 10.1163/9789004249554.
27. Fjelde, H., De Soysa, I. Coercion, Co-optation, or Cooperation?: State Capacity and the Risk of Civil War, 1961–2004 / H. Fjelde, I. De Soysa // Conflict Management and Peace Science. — 2009. — № 1(26). — P. 5–25. — DOI 10.1177/0738894208097664.
28. Heins, L. A Hard Bargain Foreign Policy and the Dynamics of the Putin-Kadyrov Relationship / L. Heins // Journal of Caucasian Studies Kasım. — 2020. — № 6(11). — P. 43–62. — DOI 10.21488/jocas.810374.
29. Holmes, A. R. Multi-Layered Diplomacy in a Global State: The International Relations of California / A. R. Holmes. — London: Palgrave Macmillan, 2020. — 234 p. — DOI 10.1007/978-3-030-54132-3.
30. Kim, Y. Insurgency and Counterinsurgency in Russia: Contending Paradigms and Current Perspectives / Y. Kim, S. Blank // Studies in Conflict & Terrorism. — 2013. — № 11(36). — P. 917–32. — DOI 10.1080/1057610X.2013.832115. — EDN YCPQWL.
31. Klyszcz, I. Chechnya's Paradiplomacy 2000–2020: The Emergence and Evolution of External Relations of a Reincorporated Territory / I. Klyszcz // Nationalities Papers. — 2023. — № 6. — P. 1397–1413. — DOI 10.1017/nps.2022.8.
32. Kuznetsov, A. S. Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs / A. S. Kuznetsov. — New York: Routledge, 2014. — 184 p. — DOI 10.4324/9781315817088. — EDN WDCRFI.
33. Putra, R. Assessing the Impacts of Paradiplomacy on Batam-Singapore Cooperation: A Case Study in Tourism, Economic Growth, and Infrastructure Development / R. Putra // Journal of Paradiplomacy and City Networks. — 2023. — № 1 (2). — P. 12–20. — DOI 10.18196/jpcn.v2i1.27.
34. Ratelle, J.-F. La paradiplomatie de Ramzan Kadyrov au Moyen-Orient / J.-F. Ratelle // Revue D'Etudes comparatives est-ouest. — 2022. — № 1(53). — P. 135–163. — DOI 10.3917/rece01.531.0135. — EDN OCRYAG.
35. Ratelle, J.-F., Souleimanov, E. A Perfect Counterinsurgency? Making Sense of Moscow's Policy of Chechenisation / J.-F. Ratelle, E. Souleimanov // Europe-Asia Studies. — 2016. — № 8(68). — P. 1287–1314. — DOI 10.1080/09668136.2016.1230842. — EDN XTZFIJ.
36. Reinsberg, B., Dellepiane, S. The domestic sources of sub-state foreign policymaking: determinants of subnational development cooperation

across European regions / B. Reinsberg, S. Dellepiane // *Journal of European Public Policy*. — 2023. — № 5 (30). — P. 922–947. — DOI 10.1080/13501763.2022.2055111.

37. Russell, J. Chechen Elites: Control, Cooption or Substitution? / J. Russell // *Europe-Asia Studies*. — 2011. — № 6 (63). — P. 1073–1087. — DOI 10.1080/09668136.2011.585758

38. Russel, J. Ramzan Kadyrov: The Indigenous Key to Success in Putin's Chechenization Strategy? / J. Russel // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. — 2008. — № 4(36). — P. 659–687. — DOI 10.1080/00905990802230605. — EDN MMJGZP.

39. Sakwa, R. The revenge of the Caucasus: Chechenization and the dual state in Russia / R. Sakwa // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. — 2010. — № 5(38). — P. 601–622. — DOI 10.1080/00905992.2010.498468.

40. Sharafutdinova, G. Paradiplomacy in the Russian regions: Tatarstan's search for statehood / G. Sharafutdinova // *Europe-Asia Studies*. — 2003. — № 4. — P. 613–629. — DOI 10.1080/0966813032000084028. — EDN GVNAOP.

41. Schiavon, J.A. Comparative paradiplomacy / J. Schiavon. — New York: Routledge, 2019. — 238 p. — DOI 10.4324/9781351012317.

42. Šmíd, T. 'Kadyrovtsy': Russia's Counterinsurgency Strategy and the Wars of Paramilitary Clans / T. Šmíd, M. Mareš // *Journal of Strategic Studies*. — 2015. — № 5(38). — P. 1–28. — DOI 10.1080/01402390.2014.942035.

43. Vendina, O. The Wars in Chechnya and Their Effects on Neighboring Regions / O. Vendina, V. Belozarov, A. Gustafson // *Eurasian Geography and Economics*. — 2007. — № 2(48). — P. 178–201. — DOI 10.2747/1538-7216.48.2.178. — EDN LKUERR.

44. Wilhelmsen, J. Inside Russia's Imperial Relations: The Social Constitution of Putin-Kadyrov Patronage / J. Wilhelmsen // *Slavic Review*. — 2018. —

№ 77 (4). — P. 919–936. — DOI 10.1017/slr.2018.290. — EDN WYIKHV.

45. Zabyelina, Y. Buying Peace' in Chechnya: Challenges of Post-Conflict Reconstruction in The Public Sector / Y. Zabyelina // *Journal of Peacebuilding & Development*. — 2013. — № 3. — P. 37–49. — DOI 10.1080/15423166.2013.860343.

REFERENCES

1. Arteeв, S.P. (2021) Russian foreign Policy: «soft power» of the regions. *Bulletin of the Moscow University. Episode 25. International relations and world politics*, no. 1, pp. 32–57. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-32-57>. EDN VUGHSH.

2. Arteeв, S.P. (2018) International Relations of Substate Actors in the Context of the Evolution of Federalism (Based on the Cooperation between the Republic of Komi and Hungary in the First Half of the 1990s). *Bulletin of MGIMO University*, no. 2, pp. 145–164. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-145-164>. EDN XPUCLZ.

3. Biragova, B.M. (2016) North Caucasian Diasporas of Turkey as Transnational Actors. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 6, pp. 327–338. EDN XBKATB.

4. Gorbaneva, A. (2013) American and British historiography on the consequences of the military conflict in Chechnya. *Questions of theory and practice*, no. 1, pp. 47–51. EDN RGZTRZ.

5. Evseev, A.Yu. (2023) Dynamics of the Media Image of the Head of the Chechen Republic, Ramzan Kadyrov, in the Context of Russia's Political Media Communication. *Management Consulting*. no. 1. pp. 91–99. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-1-91-99>. EDN ODKFDA.

6. Israilov, A.N., Morgunova, O.A. (2024) The Chechen diaspora in the Middle East: on the issue of generational continuity and socio-political dynamics of communications. *Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. The Humanities series*, no. 3, pp. 366–377.

<https://doi.org/10.18255/1996-5648-2024-3-366-377>. EDN GUPNIK.

7. Kazenin, K. (2014) Prospects of an institutional approach to the phenomenon of polyuridism (on the example of the North Caucasus). *Economic policy*, no. 3, pp. 178-198. EDN SESNIX.

8. Kushkhabiev, A.V., Magomed-dadayev, A. M. (2012) Activities of Public Organizations of the North Caucasian Diasporas in Turkey. *Izvestiya DGPU. Social and Humanitarian Sciences*, no. 1, pp. 25-32. EDN OYRLWL.

9. Malashenko, A. (2009) Ramzan Kadyrov: a Russian politician of Caucasian nationality. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 150 p. EDN QPMEWP.

10. Mikhaylenko, E.B., Verbitskaya, T.V. (2018) Formation and development of the paradiplomatic activity of the Sverdlovsk region (from 1991 to the present). *Bulletin of the Perm University. Political science*, no. 1, pp. 141-157.

<https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-1-141-157>. EDN XSANZR.

11. Mikhaylenko, E.B., Zolotarev, F.E. (2021) Paradiplomacy of Yekaterinburg at the present stage (1990-2021). *Bulletin of Humanitarian education*, no. 3, pp. 53-63. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.21.035>. EDN VTJJVI.

12. Muradov, G. L. (2009) International relations as a factor of development and image of Moscow. *Management of megapolis*, no. 2-3, pp. 39-46. EDN KYUDTN.

13. Mukhametov, R.S. (2024) Features of the Paradiplomacy of the Ethnic Republics of the Russian Federation. *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Development Paradigms. Materials of the 10th All-Russian Congress of Political Scientists with International Participation*. Moscow, pp. 421-422. EDN PZIMLW.

14. Mukhametov, R.S. (2022) Paradiplomacy of Russian regions: opportunities and limitations (on the example of the Sverdlovsk region). *Society and power*, no. 1, pp. 26-36. <https://doi.org/1996-0522-2022-1-26-36>. EDN TBTDQD.

15. Mukhametov, R.S. (2020) Factors of international activity of Russian cities. *Bulletin of MGIMO University*, no. 6, pp. 153-174. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-153-174>. EDN EUSSRH.

16. Naronskaya, A. (2022) The role of the regional elite in the development of international activities of the subject of the Federation (the experience of the Sverdlovsk region). *Ars Administrandi (Art of Management)*, no. 3, pp. 384-400.

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-3-384-400>. EDN BJDKIK.

17. Nasyrov, I.R. (2007) International cooperation of regions. *World practice and the opyat of Tatarstan*. Kazan: Publishing house of Kazan State University, 329 p. EDN QSIAOD.

18. Rustamova, L.R. (2022) External relations of the Russian border regions. *Bulletin of MGIMO (University)*, no. 1, pp. 177-206. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-177-206>. EDN FNYUEQ.

19. Saidumov, D.H. (2016) Legal culture of Chechens: issues of theory and practice. *Agrarian and land law*. no. 11. pp. 41-49. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-177-206>. EDN XEHJXX.

20. Sudants, M. B. (2023) International relations of the city of Moscow in modern conditions. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Politics*, no. 1, pp. 110-117. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-110-117>. EDN HXHWGN.

21. Polyakov, E.M. (2008) Unresolved aspects of the Russian-Chechen conflict: consequences and problems. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 180-187. EDN JUHWDD.

22. Aguirre, K., Córdova Bojórquez, G. (2018) Paradiplomacy and economic development in the Reynosa-McAllen cross-border region. *Estudios fronterizos*, no. 19, pp. 23-43. <https://doi.org/10.21670/ref.1804004>.

23. Avedissian, K. (2016) Clerics, weightlifters, and politicians: Ramzan Kadyrov's Instagram as an official project of Chechen memory and identity production. *Caucasus Survey*, no. 1, pp. 20-43. <https://doi.org/>

10.1080/23761199.2015.1119998.

24. Ciesielska-Klikowska, J., Kamiński, T. (2022) Paradiplomacy and its Impact on EU Foreign Policy. *Journal of Contemporary European Research*, no. 1, pp. 48-66. <https://doi.org/10.30950/jcer.v18i1.1223>.

25. Cornago, N. (1999) Diplomacy and paradiplomacy in the redefinition of international security: Dimensions of conflict and cooperation. *Regional & Federal Studies*, no. 1, pp. 40-57. <https://doi.org/10.1080/13597569908421070>

26. Cornago, N. (2013) *Plural diplomacies: Normative predicaments and functional imperatives*. Martinus Nijhoff Publishers, 278 p. <https://doi.org/10.1163/9789004249554>.

27. Fjelde, H., De Soysa, I. (2009) Coercion, Co-optation, or Cooperation?: State Capacity and the Risk of Civil War, 1961-2004. *Conflict Management and Peace Science*, no. 1, pp. 5-25. <https://doi.org/10.1177/0738894208097664>.

28. Heins, L. (2020) A Hard Bargain Foreign Policy and the Dynamics of the Putin-Kadyrov Relationship. *Journal of Caucasian Studies* Kasım, no. 6, pp. 43-62. <https://doi.org/10.21488/jocas.810374>.

29. Holmes, A. R. (2020) *Multi-Layered Diplomacy in a Global State: The International Relations of California*. London: Palgrave Macmillan, 234 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-54132-3>.

30. Kim, Y., Blank, S. (2013) Insurgency and Counterinsurgency in Russia: Contending Paradigms and Current Perspectives. *Studies in Conflict & Terrorism*, no. 11, pp. 917-932. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2013.832115>. EDN YCPQWL.

31. Klyszcz, I. (2023) Chechnya's Paradiplomacy 2000-2020: The Emergence and Evolution of External Relations of a Reincorporated Territory. *Nationalities Papers*, no. 6, pp. 1397-1413. <https://doi.org/10.1017/nps.2022.8>

32. Kuznetsov, A. S. (2014) *Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs*. New York: Routledge, 184 p. <https://doi.org/10.4324/9781315817088>. EDN WDCRFI.

33. Putra, R. (2023) Assessing the Impacts of Paradiplomacy on Batam-

Singapore Cooperation: A Case Study in Tourism, Economic Growth, and Infrastructure Development. *Journal of Paradiplomacy and City Networks*, no. 1, pp. 12-20. <https://doi.org/10.18196/jpcn.v2i1.27>.

34. Ratelle, J.-F. (2022) La paradiplomatie de Ramzan Kadyrov au Moyen-Orient. *Revue D'Etudes comparatives est-ouest*, no. 1, pp. 135-163. <https://doi.org/10.3917/receo.1.531.0135>. EDN OCRYAG.

35. Ratelle, J.-F., Souleimanov, E. (2016) A Perfect Counterinsurgency? Making Sense of Moscow's Policy of Chechenisation. *Europe-Asia Studies*, no. 8, pp. 1287-1314. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1230842>. EDN XTZFIJ.

36. Reinsberg, B., Dellepiane, S. (2023) The domestic sources of sub-state foreign policymaking: determinants of subnational development cooperation across European regions. *Journal of European Public Policy*, no. 5, pp. 922-947. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2055111>.

37. Russell, J. (2011) Chechen Elites: Control, Cooption or Substitution? *Europe-Asia Studies*, no. 6, pp. 1073-1087. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.585758>.

38. Russel, J. (2008) Ramzan Kadyrov: The Indigenous Key to Success in Putin's Chechenization Strategy? *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, no. 4, pp. 659-687. <https://doi.org/10.1080/00905990802230605>. EDN MMJGZP.

39. Sakwa, R. (2010) The revenge of the Caucasus: Chechenization and the dual state in Russia. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, no. 5, pp. 601-622. <https://doi.org/10.1080/00905992.2010.498468>.

40. Sharafutdinova, G. (2003) Paradiplomacy in the Russian regions: Tatarstan's search for statehood. *Europe-Asia Studies*, no. 4, pp. 613-629. <https://doi.org/10.1080/0966813032000084028>. EDN GVNAOP.

41. Schiavon, J.A. (2019) *Comparative paradiplomacy*. New York: Routledge, 238 p. <https://doi.org/10.4324/9781351012317>.

42. Šmíd, T., Mareš, M. (2015) 'Kadyrovtsy': Russia's Counterinsurgency Strategy and the Wars of Paramilitary Clans. *Journal of Strategic Studies*, no. 5, pp. 1-28. <https://doi.org/10.1080/01402390.2014.942035>
43. Vendina, O., Belozarov, V., Gustafson, A. (2007) The Wars in Chechnya and Their Effects on Neighboring Regions. *Eurasian Geography and Economics*, no. 2, pp. 178-201. <https://doi.org/10.2747/1538-7216.48.2.178>. EDN LKUERR.
44. Wilhelmsen, J. (2018) Inside Russia's Imperial Relations: The Social Constitution of Putin-Kadyrov Patronage. *Slavic Review*, no. 4, pp. 919-936. <https://doi.org/slr.2018.290>. EDN WYIKHV.
45. Zabyelina, Y. (2013) Buying Peace' in Chechnya: Challenges of Post-Conflict Reconstruction in The Public Sector. *Journal of Peacebuilding & Development*, no. 3, pp. 37-49. <https://doi.org/10.1080/15423166.2013.860343>.

For citing: Mukhametov, R. S. (2025) Paradiplomacy of the Chechen Republic in the context of federal relations. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 22 (4), pp. 24-44. EDN SINJKM

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN SINJKM

HAC (Higher Attestation Commission) 5.5.2

UDC 327.36

Code of State Categories Scientific and Technical Information 11.01.53

PARADIPLOMACY OF THE CHECHEN REPUBLIC IN THE CONTEXT OF FEDERAL RELATIONS

Ruslan S. Mukhametov,

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin,
Associate Professor of the Department
of Political Sciences,
Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
SPIN 2774-6303
ORCID: 0000-0002-5175-8300
Scopus ID: 58126085400
Researcher ID: M-7158-2016
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. Sub-national governments are becoming increasingly prominent actors in foreign policy. Among Russian regional leaders, the leaders of Chechnya have been the most publicly active in the international arena. Despite their paradiplomatic activities, there is a dearth of scholarly research on the theoretical reflection and analysis of the republic's international engagement. The purpose of the research is to study Chechnya's paradiplomacy since 2000 and explain the "expanded" powers of the republic in international affairs.

Methods. The presented research, carried out using a neo-institutional approach, includes an in-depth understanding of individual examples / case study method and their comparison (comparative method) to identify common patterns of developing republican paradiplomacy.

The scientific novelty of the study. The article explores the evolution of the Chechen Republic's paradigm in the context of its «special» status within the Russian Federation. It provides a comparative analysis of the foreign policy activities of three key Chechen leaders (A. Kadyrov, A. Alkhanov,

and R. Kadyrov) and identifies the stages of paradigm transformation from a tool for legitimizing power to a mechanism for economic and religious influence. Special attention is paid to the role of Ramzan Kadyrov's personality in shaping a unique model of republican paradiplomacy.

Results. It has been found that the main geographical focus of paradiplomatic efforts is the Middle East. The article shows that the main topics for negotiations and cooperation are issues related to maintaining stability and peace in the region and combating extremist groups. The author has identified that a distinctive feature of Chechnya's paradiplomacy at the current stage is its high level of contacts (compared to other regions of the Russian Federation). It has been proven that Chechnya's status in terms of international activity compared to other Russian regions is due to the existence of an informal agreement between the federal center and the republic.

Conclusions. Chechnya's paradiplomacy is a unique example of regional foreign policy activity that combines religious, economic, and political aspects. Its evolution reflects the federal center's strategy of managing the «troubled» region by delegating authority to loyal elites. Key factors contributing to its success include the use of Islamic identity to enhance Chechnya's and Russia's image in the Muslim world, as well as R. Kadyrov's personal connections with Middle Eastern leaders, which enable Moscow to increase its influence in the region, an informal agreement between the federal center and the Chechen leadership that ensures stability at the cost of broad autonomy. The study demonstrates that Chechen paradiplomacy has become a tool not only for regional but also for national influence; however its long-term consequences for federal relations remain a subject of discussion.

KEYWORDS:
paradiplomacy,
Islam,
regions of Russia,
Chechnya,
policy of «Chechenization»,
Ramzan Kadyrov.

CONFLICT OF INTEREST
The author declares
that there is no conflict of interest.

Article received: 13.01.2025
Reviews received: 06.11.2025
Accepted for publication: 14.11.2025

Copyright: © Mukhametov R. S. (2025).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.
Open access under CC BY-NC License 4.0.